

ческой, насколько нелинейное развитие сложнее линейного или спирального. Онтологическим основанием нелинейной (постнеклассической) интерпретации законов диалектики являются существенные свойства нелинейного развития, а категориальным – адихотомичность противоположных в классике естественно-научных и онтологических категорий. Мы полагаем, что постнеклассическая интерпретация законов диалектики способна не только отразить все особенности нелинейного развития, но и обновить, даже реанимировать диалектику как таковую, сохраняя за ней статус мощнейшего и универсального метода исследования. По-видимому, в свете постнеклассических представлений наряду с самими законами диалектики нуждается в переосмыслении практически вся система классических категорий онтологии, при условии, что мы поддерживаем традицию рациональности. Однако заметим, что последовательное проведение в жизнь принципов нелинейного мышления на самом деле требует не интерпретаций классики, а «всего-навсего» констатации предельной сложности всякого нелинейного и невозможности его классического описания.

Список литературы

1. Афанасьева В. В. Детерминированный хаос : феноменологическо-онтологический анализ. Саратов, 2002. 213 с.
2. Анисимов Н. С., Афанасьева В. В. Нелинейное развитие социума : постнеклассический анализ // Власть. 2013. Вып. 1. С. 68–72.

УДК 008

ФИЛОСОФСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ СВЕРХЧЕЛОВЕКА

Беляев Дмитрий Анатольевич –

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Липецкий государственный педагогический университет
E-mail: dm.a.belyaev@gmail.com

Статья посвящена комплексному философскому определению концепта «сверхчеловек», актуального для многих современных философско-антропологических, аксиологических и культурфилософских исследований. Прежде всего, в работе проводится компаративный лингвосемантический анализ понятия «сверхчеловек» в его сравнении с немецким термином «Übermensch». Обосновывается мысль о непосредственной связи человека и сверхчеловека, где последний выступает горизонтом антропологической предельности в рамках определенного дискурса. Выделяются локальные константы человеческой природы и осуществляется их модельная реконструкция в измерении «сверх». Делается вывод, что в основу определения сверхчеловека могут

3. Feigenbaum M. Quantitative universality for class of non-linear transformations // J. Stat. Phys. 1978. Vol. 19, № 1. P. 117–124.

Nonlinear Dialectics

V. V. Afanasyeva

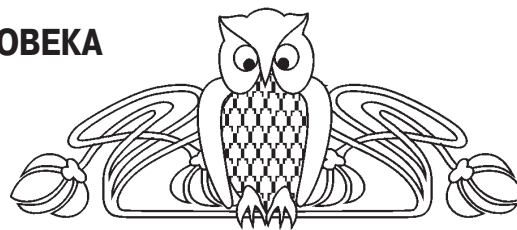
Saratov State University
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: dandee@list.ru

The paper contains analysis of classic dialectics laws application to the complicated nonlinear systems. It is shown that in some cases these laws do not manage to govern some peculiarities of nonlinear development, such as polyvariability, reversibility, criticality, chaos. The necessity and possibility of postnonclassic interpretation of dialectics in accordance with postnonclassic scientific paradigm principles is discussed. Postnonclassic formulations of the laws of dialectics are introduced, which reflect complexity of nonlinear systems dynamics. Examples are given, which demonstrate realization of the abovementioned laws in society and nature.

Key words: nonlinearity, postnonclassical, dialectics.

References

1. Afanasyeva V. V. *Determinirovanny khaos: fenomenologicheskoo-ontologicheskyy analiz* (Deterministic chaos: phenomenological and ontological analysis). Saratov, 2002. 213 p.
2. Anisimov N. S., Afanasyeva V. V. *Nelineinoe razvitiye sotciuma: postneklassicheskiy analiz* (Nonlinear development of society: postneclassical analysis). *Vlast* (Authority), 2013, iss. 1, pp. 68–72.
3. Feigenbaum M. Quantitative universality for class of non-linear transformations. *J. Stat. Phys.*, 1978, vol. 19, no. 1, pp. 117–124.

быть положены принципы «номадической трансгрессивности» и «антропологической иномерности», позволяющие говорить о сверхчеловеке как неконстантной антропной единице, ассоциированной с субъективно-консенсусным состоянием «сверх».

Ключевые слова: сверхчеловек, Übermensch, человек, антропологическая трансгрессия, атрибутика сверхчеловека, номадность человека.

Идея сверхчеловека является неотъемлемой частью социокультурного континуума и многочисленных рефлексий на тему антропологической предельности и моделей трансформации

человеческой природы. Одновременно в современной гуманитаристике отсутствует философское определение сверхчеловека, что создает ситуацию семантической неопределенности говорения о многих антропологических и социокультурных моделях, ассоциативно связанных с дискурсом сверхчеловеческого. Поэтому мы считаем актуальным и исследовательски необходимым прояснение философского смысла понятия «сверхчеловек».

Уже прояснение денотативного значения и морфологии слова «сверхчеловек» позволяет сформировать некоторый пласт первичных смыслов, задаваемых в нем лингвистически. Итак, это слово является двусоставной лингвистической конструкцией, включающей в себя базово коренное слово – «человек» и приставку – «сверх». Здесь уместно напомнить, что сама лингвоформа «сверхчеловек» изначально начинается хождение в русскоязычной семиосфере под влиянием философии Ф. Ницше. Именно термин «Übermensch», присутствующий в творческом наследии немецкого мыслителя, выступил как лингвистическая иноязычная первооснова для слова «сверхчеловек», став его русскоязычным переводным аналогом, пытающимся воспроизвести денотативное значение оригинала [1, с. 511–514].

При переводе на русский язык термина «Übermensch» практически сразу устоялась двухсоставная лингвистическая конструкция – «сверхчеловек», однако денотативное значение префикса «сверх» как смыслообразующей лексической единицы имеет некоторые особенности в сравнении с немецкой «über». Так, Ю. В. Синеокая утверждает, что в русскоязычной приставке «сверх», прежде всего, доминирует качественная оценка, «сверх» – «это высшая степень качества» [2, с. 59], т.е. отождествляется значение приставки «сверх» с качественно превосходящим значением «über». Это создает пространство семантической релевантности между префиксом «сверх» и качественным прилагательным «лучший». Между тем филологический анализ подтверждает, что через эту приставку возможна фиксация нейтральной иномерности обозначаемого, не вводящей шкалу качественной иерархичности [3, с. 149–158].

Таким образом, возможны, по крайней мере, три независимых варианта семантической транскрипции термина «сверхчеловек»: как *нечеловека*, совершившего трансгрессивное преодоление «меры человеческого» и ставшего *иным* антропным субъектом; как «лучшего человека», достигшего предела качественного совершенства, но оставшегося в рамках человеческой целостности; как качественно превосходящего *нечеловека*.

Уже из приведенного лингвосемантического разбора термина «сверхчеловек», состоящего из рамочной конструкции «человек» и трансформирующей ее приставки «сверх», формируются некоторые первичные сложности, связанные с определением сверхчеловека. Очевидно, что он, с одной стороны, может пониматься как продолжение, высшая точка развития человека, в котором актуализируется некий идеал *человеческого*. С другой стороны, сверхчеловек может считываться как диалектическое отрицание человека – *нечеловек*, вышедший за пределы человеческого и, в сущности, не являющийся уже в качественном отношении человеком. Очевидно, что вне зависимости от точки зрения на отношение человек/сверхчеловек именно *человек* является исходной точкой отсчета для содержательного определения *сверхчеловека*, где человек либо представляется в своем высшем/предельном качественно идеальном состоянии, либо отрицается/преодолевается. Соответственно, говорение о сверхчеловеке неизбежно основывается на определении человека и сущностных *человеческих* оснований, которые далее вариативно актуализируются в измерении *сверх*, формируя модель сверхчеловека.

П. С. Гуревич полагает, что «человеческая природа» – это «совокупность устойчивых, неизменных черт, общих задатков и свойств, выражающих особенности человека как живого существа, которые присущи человеку разумному во все времена независимо от биологической эволюции и исторического процесса» [4, с. 25]. Однако, основываясь на этих принципах, весьма проблематично построить универсально-константное определение сущности человека. С учетом современного объема знаний и основных моделей философского говорения о человеке мы считаем, что человеческая природа не имеет универсальных констант, которые имели бы безусловную и категорическую определенность. В современной философской антропологии все большее распространение получает модель определения человека как «антропной номадической потенции», способной к вариативной актуализации как в модусе духа, так и телесной данности. Поэтому полагаем, что уместно выделять не универсальные качественные характеристики человека, что, на наш взгляд, невозможно, а сравнительно устойчивые «атрибутивные идентификаторы» *человеческого* – «локальные константы» человеческой природы.

Исходя из системы современных философско-антропологических воззрений, можно выделить два измерения определения природы человека: материально-физическое и идеально-духовное. Первое создает модель его внешней явленности, а второе – его психоментальной

особости и духовной потенции. В рамках материально-физического модуса человеческой природы мы фиксируем одну, но в известном смысле самую стабильную «локальную константу», сводящуюся к *телесно-физической* антропной определенности. Природно заданная материально-физическая телесность, во-первых, всегда была внешним идентификатором человеческого, имманентно присущим ему, во-вторых, формировала физическое пространство объективных возможностей и ограничений человека, влияющих на практически деятельные и экзистенциальные измерения его существования.

В рамках идеально-духовного измерения можно выделить сразу несколько «локальных констант» человеческой природы, однако каждая из них не обладает четкой определенностью внутренних характеристик. Первой «локальной константой» в этом ряду является *сознание* как особая, условно высшая форма отражения реальности, формирующая специфический модус *человеческого* восприятия мира и осознания идентичности/уникальности собственного Я в системе бытия. Второй «локальной константой» можно считать *разум* как эвристический инструмент и исключительную человеческую способность, ставшую, помимо прочего, основой именованного современного вида рода людей – «*Homo sapiens*». Вообще *сознание* и *разум*, безусловно, уместно рассматривать как части целостной психоментальности человека, формирующей пространство вариативных номадических «потенций духа».

Необходимо отдельно зафиксировать, что в отличие от материально-физиологической конституции, которая изначально дана в некоторой биологической исходности, набор психоментальных характеристик не имеет категорических калькулятивных показателей. Одновременно духовно-психологическое единство сознания-разума порождает новый пласт идеальных «локальных констант» человеческой природы социокультурного порядка: среди них можно выделить *ценностно-символическую*, которая фиксирует исключительность человека как «символического животного», создателя символических форм, задающих идеальный каркас пространству культуры. Ими являются ценности как значимые императивы-корреляторы, формирующие в модусе идеального матрицу *человеческого*, т.е. уклад духовной конституции и поведенческих стратегий человека. Следующей в этом ряду идет *социальная* константа, определяющая человека как «общественное/политическое животное», выступающее актором социального дискурса и деятельным трансформатором реальности через ее творческое освоение. Культуросозидательная

деятельная активность, ставшая механизмом освоения человеком природы и создания всего пространства материальной культуры, до некоторой степени объединяет в себе всю психоментальную атрибутику человека, объективируя ее в пространстве культуры.

Итак, человек является своеобразным, открытым, сущностно непредзаданным «биосоциальным проектом». Это порождает стихийную устремленность выйти за пределы своей, наличествующей сегодня психоментальной и материально-физической данности. В этом смысле человек является существом, стремящимся к состоянию «сверх», превосходящим установленные пределы. Само философское говорение о человеке, на что справедливо указывает Г. К. Сайкина, «нередко создает концепт “мета-существа”» [5, с. 68] или сверхчеловека.

Атрибутика сверхчеловека основывается на выделенных локальных константах человеческой природы, которые трансформируются в измерении «сверх». Однако номадическая подвижность рассмотренных констант и специфический характер понимания антропного измерения «сверх» накладывают существенный отпечаток на возможность и содержательность говорения о характеристиках сверхчеловека. Так, каждый из двух основных модусов понимания состояния «сверх» (применительно к человеку) исключает возможность его универсального определения. В случае считывания приставки «сверх» в значении указателя состояния трансгрессии возникает проблема фиксации «предельной черты», после которой и происходит переход на уровень «сверх». При качественно превосходном варианте интерпретации состояния «сверх» мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью его рассмотрения в контексте иерархической системы степеней совершенства. В обоих случаях состояние «сверх» определяется в рамках какого-то локального дискурса: консенсусным решением большинства, принятым в рамках того или иного локального социокультурного хронотопа; индивидуально-субъективным решением. Соответственно, любой вариант определения антропного уровня «сверх» будет обладать объективно ограниченной актуальностью, не претендующей на универсальность семантического считывания.

Между тем, на наш взгляд, все же возможно первичное, пусть и номадически-модельное, конструирование качественных характеристик сверхчеловека, базирующихся на «локальных константах» человеческой природы, вариативно представленных в измерении «сверх».

Итак, в рамках материально-физического измерения определения природы человека формируется первичная модель сверхчелове-

ческой атрибутики. Важно отметить, что здесь преобладает понимание состояния «сверх» как степени вполне определенного качественного совершенства. Поэтому сверхчеловек выступает, в первую очередь, как превосходная в сравнении с человеком антропологическая модель. Сам материально-физический модус конституирования человеческого задает ряд естественно-природных ограничителей, которые и преодолеваются в модели сверхчеловека.

Наиболее существенным естественно-биологическим ограничителем человека является *смерть*, задающая перспективу неизбежной конечности бытия человека в его изначальной материально-биологической конституции. Примечательно, что *смертность* часто выступает важнейшим атрибутом человека, подтверждающим его «человеческую идентичность». В. С. Соловьев справедливо отмечает, что понятие «смертный» становится тождественно понятию «человек» [6, с. 616]. Одновременно оно, как правило, контекстуально имело негативно-уничжительные семантические коннотации, так как указывало на «ущербность» человека, заключенную в его конечности. Человек как существо, осознающее свою смертность, стихийно сопротивляется ей, создавая/моделируя различные формы антропологического инобытия, способные абсорбировать смерть. Положительным антиподом смерти оказывается состояние бессмертия. Соответственно, для человека физическое бессмертие – это биологически трансгрессивное состояние, ассоциирующиеся с качественно превосходной формой бытия в измерении «сверх».

В итоге бессмертие, в котором происходит объективация перманентной тяги человека к преодолению своей природной ограниченности, становится одним из центральных атрибутов образа сверхчеловека [6]. В частности, эту установку отчетливо фиксирует В. С. Соловьев, утверждая, что «сверхчеловек должен быть, прежде всего, и в особенности победителем смерти» [7, с. 617].

Другие *сверхчеловеческие* характеристики, формирующиеся на основе материально-физической локальной константности человеческой природы, являются по преимуществу калькулятивно умноженной надстройкой имеющих исходных антропофизиологических характеристик человека. Например, сверхчеловек наделяется сверхсилой, сверхбыстротой, сверхловкостью и т.п. Между тем четкая количественно-мерная артикуляция этих параметров не представляется возможной. С одной стороны, априори предполагается, что уровень/объем физических характеристик количественно значительно превосходит мерный диапазон, характерный для субъекта,

находящегося в рамках условной «человеческой нормальности». С другой стороны, невозможно задать универсальную калькулятивную величину уровня «сверх» этих характеристик: он всегда определяется в рамках локального нарратива и носит субъективно-консенсусный характер.

Дополнительным измерением возможной актуализации вариантов *сверхчеловечности*, базирующимся на трансформации материально-физической локальной константы природы человека, является «трансгрессивная телесность». Радикальное переформатирование человеком своей телесной конституции, которое выходит за рамки исходной биологической нормы, также может квалифицироваться как проявление антропного состояния «сверх». При этом в данном случае «трансгрессивная телесность» выводится из иерархического контекста степеней совершенства и оценивается как вариант антропофизической иномерности.

Строго определенное и конкретное содержательное говорение о сверхчеловеческой атрибутике, базирующейся на идеально-духовных локальных константах человеческой природы, не представляется возможным. Это обусловлено, в первую очередь, номадичностью самих базовых идеально-духовных констант «человеческой нормы». Соответственно, определение уровня «сверх» происходит через субъективную и локально-культурную компаративную идентификацию качественной инаковости, релевантной в рамках весьма ограниченного дискурса.

Условное *сверхсознание* характеризуется способностью формировать *иную*, в сравнении с *обычной/нормальной/общепринятой*, модель отражения реальности и идентификации собственного Я, предполагающую качественно превосходную степень ментального бытия субъекта. Данное состояние практически не поддается рациональной артикуляции и актуализируется исключительно в субъективном переживании. *Сверхразум* как сверхчеловеческий атрибут также определяется через степень трансгрессивности, иномерности структур мышления, а его качественная оценка в рамках шкалы степеней превосходства возможна исключительно через локально-дискурсивное консенсусное решение.

Этот же принцип применим и к распознаванию уровня «сверх» в локальных константах человеческой природы социокультурного порядка. Так, в ценностно-символическом модусе состояние «сверх» релевантно номадическим вариантам «аксиологической трансгрессии», когда человек формирует новую ценностную матрицу, обладающую высокой степенью инаковости, в сравнении с общепринятой и предельно допустимой в локальном социокультурном дискурсе. Со-

ответственно, в аксиологическом модусе сверхчеловек определяется как актер, совершающий радикальную переоценку ценностей. В этой связи особое внимание необходимо обратить на нигилизм как «умонастроение, связанное с установкой на отрицание общепринятых ценностей, идеалов, моральных норм, культуры» [8, с. 432]. Понятие нигилизма вбирает в себя всю совокупность бунтарских и революционных человеческих рефлексов, реализуемых в ценностном пространстве. В конечном счете, нигилизм – это стремление к первичной, «отрицательной» свободе. Условный «аксиологический сверхчеловек» через нигилизм осуществляет радикальное ценностное самоосвобождение. Однако аксиологическое отрицание вряд ли можно признать самоценным и самодостаточным сверхчеловеческим атрибутом. Нигилизм, в первую очередь, призван очистить духовное пространство для последующей созидательной ценностной деятельной активности субъекта. Соответственно, в данном случае сверхчеловек выступает как творец/создатель *новых*, номадически-трансгрессивных ценностей.

Этапом и формой непосредственно-деятельной экспликации новой ценностной матрицы часто выступает творческая активность субъекта, несущая в себе качественно обновленческие интенции, имеющие широкое социокультурное значение. И это формирует следующую модель локально-атрибутивного позиционирования сверхчеловека – он выступает в роли «творческого пассионария», создателя новых поведенческих матриц и структур культуры. Идентификация данной субъектной поведенческой модели как условно сверхчеловеческой зависит от конкретной социокультурной реальности, в которой происходит ее развертывание, однако она неизменно стремится, пусть и имплицитно, к предельной инаковости и обладает признаками уникальности. Собственно определение уровня «сверх» в пространстве социальной и культуросозидательной деятельности человека происходит через уже обозначенный принцип «номадической трансгрессии».

В итоге можно констатировать, что фокус изменчивости человеческой природы зачастую основывается на субъективно понимаемых качественно превосходных антропологических пределах, формирующихся на уровне индивидуального духа и системы ценностей культуры. Для человека становится свойственным перманентное стремление выхода «за предел», в состояние «сверх». И именно вся совокупность данной антропологической трансгрессии выражается в идее сверхчеловека. Соответственно, Сверхчеловек оказывается горизонтом развития для Человека, в котором сочетается имманентная

трансгрессивность и тоска Духа по трансцендентной метачеловечности. Образ сверхчеловека неотделимо связан с человеком, он является его перспективной/идеальной надстройкой. Идея сверхчеловеческого представляется ментальным модусом человеческого и одновременно его имманентным идеальным «атрибутом духа», номадическим горизонтом антропной эволюции.

Многие мыслители предлагали свое определение сверхчеловека, но неизбежно ограничивали его собственными философскими предпочтениями, взглядом на проблему идеального/лучшего в антропологическом измерении, а также личностным пониманием метафизики и трансгрессии Человека, опосредованным конкретной социокультурной действительностью, поэтому единой дефиниции сверхчеловека выработано не было, да и вряд ли, таковая возможна.

На наш взгляд, сверхчеловек, как, собственно, и человек, не может быть окончательно определен, его дефиниции могут носить ситуативно-локальный или предельно общий, метафорически-образный характер. Одновременно первично сверхчеловека можно определить как человека, преодолевшего в рамках конкретной культурно-исторической реальности условный предел человеческих возможностей, вышедшего за границы консенсусной «нормальности», принципиально превзошедшего порог социокультурной и/или антропологической нормы, позволившей ему оказаться в новом бытийном, ценностно-символическом и культуросозидательном дискурсивном пространстве, став «номадически-трансгрессивным человеком». Между тем следует подчеркнуть определенную условность и известную ограниченность этого определения, которое является скорее схемой, задающей общие рамки и ориентиры философского говорения о сверхчеловеке, но никак не строгой дефиницией.

Список литературы

1. Беляев Д. А. Специфика лингвосемантического бытования термина/понятия «сверхчеловек» в немецкой, русской и английской языковых традициях // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 4. Ч. 2. С. 511–514.
2. Синеокая Ю. В. Рубеж веков : русская судьба Сверхчеловека Ницше // *Фридрих Ницше и философия в России* : сб. ст. СПб., 1999. С. 58–74.
3. Гофман Т. В. Концептуализация пространства в семантике предлогов : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 179 с.
4. Гуревич П. С. Феномен деантропологизации человека // *Вопр. философии*. 2009. № 3. С. 19–31.
5. Сайкина Г. К. Трудно быть человеком... (Метафизические маршруты человека). Казань, 2012. 428 с.
6. Беляев Д. А. Инварианты бессмертия и феномен сверх-

человека в контексте эволюции культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8, ч. 4. С. 27–29.

7. Соловьев В. С. Соч. : в 2 т. М., 1988. Т. II. 822 с.
8. Визгин В. П., Пустарнаков В. Ф., Соловьев Э. Ю. Нигилизм // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2010. Т. 3. С. 84–85.

Philosophical Definition of the Overman

D. A. Belyaev

Lipetsk State Pedagogical University
42, Lenins, Lipetsk, 398020, Russia
E-mail: dm.a.belyaev@gmail.com

The article is devoted to complex philosophical definition of the concept of «overman» which is relevant to many contemporary philosophical-anthropological, axiological and cultural-philosophical researches. First of all, a comparative analysis of the concept of «overman» in his comparison with the German term «Übermensch» is carried out in this work. The idea of immediate connection between man and overman is substantiated where the last one is as a horizon of an anthropological ultimacy within a particular discourse. The local constants of human nature are emphasized and their model of reconstruction in the measurement of «over» is realized. In the concluding part of the article it's said that the basis for determining the term «overman» may be the principles of the «nomadic transgressive» and «anthropological inomernost» which allow us to speak of the overman as a non-constant anthropic unit which is associated with the subjective consensus state of «over».

Key words: overman, Übermensch, human, anthropological transgression, attribute of overman nomadichnost of human.

References

1. Belyaev D. A. Spetsifika lingvosemanticheskogo bytovaniya termina/ponyatiya «sverkhchelovek» v nemetskoj,

russkoj i anglijskoj yazykovykh traditsiyakh (Specificity linguistically-semanticly existence of the term/concept of «overman» in German, Russian and English language traditions). *Fundamental'nie issledovaniya* (Fundamental research), 2013, no. 4, pt. 2, p. 511–514.

2. Sineokaya Yu. V. Rubezh vekov: russkaya sudba Sverkhcheloveka Nitsche (The turn of the century: the fate of the Russian Nietzsche's Overman). *Fridrikh Nitsche i filozofiya v Rossii: sbornik statej* (Friedrich Nietzsche and Philosophy in Russia: collection of articles). St.-Petersburg, 1999, pp. 58–74.
3. Gofman T. V. *Kontseptualizatsiya prostranstva v semantike predgov: dis. ... kand. filol. nauk* (The conceptualization of space in the semantics of prepositions: Diss. Ph.D). Moscow, 2005. 179 p.
4. Gurevich P. S. Fenomen deantropologizatsii cheloveka (The phenomenon of human anti-anthropologization). *Voprosy filosofii* (Voprosy Filosofii), 2009, no. 3, pp. 19–31.
5. Saykina G. K. *Trudno byt' chelovekom... (Metafizicheskie marshruty cheloveka)* (It's hard to be a human... Meta-physical human's routes). Kazan, 2012. 428 p.
6. Belyaev D. A. Invarianty bessmertiya i fenomen sverkhcheloveka v kontekste evolyutsii kultury (Immortality invariants and overman phenomenon in culture evolution context). *Istoricheskie, filozofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* (Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and practice), 2011, no. 8, pt. 4, pp. 27–29.
7. Solovev V. S. *Sochineniya: v 2 t.* (Works: in 2 vol.), Moscow, 1988, vol. II. 822 p.
8. Vizgin V. P., Pustarnakov V. F., Solovev E. Yu. Nigilizm (Nihilism). *Novaya filozofskaya entsiklopediya: v 4 t.* (New Encyclopedia of Philosophy: in 4 vol.), Moscow, 2010, vol. 3, pp. 84–85.

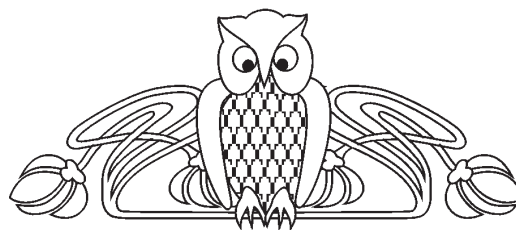
УДК 101.8

ПРИНЦИПЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И РИСКИ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

Беляев Евгений Иванович –

доктор философских наук,
профессор кафедры теоретической и социальной философии,
Саратовский государственный университет
E-mail: Belyaev214@mail.ru

Принципы концептуализации и риски философствования рассматриваются с точки зрения дисциплинарной специфики современной философии. Исследуются принципы научной концептуализации, такие как: ориентация, редукция, ясность, систематизация, экономия, эвристическая значимость. Показывается специфика концептуализации в философском контексте; раскрываются внутренние и внешние риски философствования и их начала. Другими словами, философия как философствование остается значимой своей рефлексивной и дискурсивной вовлеченностью в мир, специфическим инструментарием анализа и синтеза,

критическими и конструктивными устремлениями: в этом пункте скрываются начала рисков философствования.

Ключевые слова: принципы концептуализации, внешние и внутренние риски, начала рисков философствования.

Опыт философии риска показывает, что природа рискологии лежит не в фактах, ею открываемых, а в процессе концептуализации, посредством которого их обнаруживают. Концептуализация способствует развитию творческого